

ПОЭЗИЯ — ГИБКИЙ, КОЛЕБЛЕМЫЙ ВЕТРОМ СТВОЛ,
КОТОРЫЙ ОДНАЖДЫ ЗАМРЕТ В ПЕРЕПЛЕТАХ ТВЕРДЫХ.
СЛОВО БЕССМЫСЛЕННО, ЕСЛИ ОНО МЕРТВО.
НАЗВАЛСЯ ПОЭТОМ — УЧИСЬ ВОСКРЕШАТЬ ИЗ МЕРТВЫХ.

КОТ БАСЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«КАКИЕ-ТО НЕПРАВИЛЬНЫЕ» СТИХИ

начнем с конца: на последних страницах этой книги вы найдете письмо благодарности. люди, упомянутые в нем – друзья и соратники, помощники и единомышленники проекта «живые поэты».

три года назад некоторые из них считали, что поэзия – это нечто архаичное, пыльное и вымершее.

всеми возможными способами, не брезгуя подкупом, обольщением и угрозами физической расправы, мы с редакторами проекта заставляли их прочесть несколько текстов или сходить на одно из наших мероприятий. этого обычно хватало – человек подсаживался на поэтическую иглу накрепко и надолго.

были и те, кто сопротивлялся со впечатляющей яростью. но в этом нет ничего удивительного – современников, за редкими исключениями, не знают, не читают и не издаются большими тиражами.

несколько раз я проводил спонтанные опросы на улицах: среднестатистический читатель, который не интересуется поэзией – например, программист сережа из вологды или стриптизерша софья из томска – не способен с ходу назвать больше четырех фамилий.

осмотримся: а где вообще эти фамилии можно узнать?

в союзах поэтов и других постсоветских литературных структурах царят коррупция и кумовство. посмотрите сюжет про бориса сивко, а если совсем себя не бережете – сходите на какие-нибудь публичные чтения, которые они организывают.

поэтические девяностые закончились в мае 2001-го на балконе дома по улице шейнкмана в екатеринбурге; большинство героев нулевых перестали писать, стали суперзвездами, растеряли искренность.

социальные сети кишат графоманами, журналы симпатизируют заумным и перегруженным текстам, многие поэтические премии и фестивали – политизированы или парализованы цензурой.

но настоящему электричеству даже такой плотный вакуум – не помеха, и мне удалось убедиться в этом лично.

закончив школу в середине двухтысячных, я ушел из дома и почти десять лет провел в дороге, читая свои стихи на улицах и площадях, в квартирах, клубах и подземных переходах. выпустил пару сборников, дал восемь концертных туров, последний из которых – в защиту книги «#спички. дорога домой» – включал в себя 42 города.

моими спутниками в этом долгом путешествии были те, кто сознательно или в силу стечения обстоятельств занял позицию вне существующего литературного сообщества.

индивидуалисты, добровольные аутсайдеры, панки и философы, ученые и эмигранты, любители азартных игр и студенты-радикалы, летчики и заводские рабочие, запойные алкоголики и амфетаминовые наркоманы, эмпапы, декаденты и романтики – все они пишут стихи, и в какой-то момент я понял, что объединяет этих людей.

во-первых: их тексты чаще всего острые, неудобные и «какие-то неправильные», как говорилось в одном письме, пришедшем на почту нашей редакции.

во-вторых: они относятся к поэзии, как отшельники – к богу: хотя и говорить с ней напрямую, без посредников, без литературных священников и церквей (редакторов, критиков, журналов и школ). я решил попытаться собрать их стихи в одном месте.

проект «живые поэты» начинался как личная версия литературной карты снг, но за три года перерос меня и стал хоть и не очень громким, но ярким и самостоятельным явлением.

сначала появились люди с похожей оптикой – и сейчас над проектом работает уже не парочка фанатиков-редакторов, а команда из одиннадцати человек.

несколько лет мы публиковали стихи на m24.ru – а теперь еще и помогаем авторам с изданием книг, концертами и другими инициативами.

к проекту присоединились известные музыканты, журналисты и культуртрегеры, разделяющие наши ценности – и «живыми поэтами» заинтересовались медиа.

всего мы получили более 20 000 заявок и опубликовали в сми и социальных сетях бесчисленное количество текстов 250 авторов из 80 городов 15 стран.

лучшие из них попали в эту книгу.

кто-то сочтет странным, что евгений соя в ней соседствует с олегом грузом, loc-dog – с аней герасимовой, а глеб самойлов – с ольгой седаковой.

но мы уверены, что несовместимость – социальная, возрастная, тематическая, какая угодно – только поможет антологии «живых поэтов» показать, насколько разной и необычной может быть современная поэзия.

каждого автора мы просили указать нескольких любимых поэтов: эти короткие списки позволяют проследить преемственность литературных поколений, а также предоставляют читателю альтернативный, гипертекстовый способ путешествия по содержанию.

название «живые поэты» сокращается до броского «жы» и становится позицией.

леха никонов писал: «слова, весь этот сон, действительность, есть она или нет – вся принадлежит поэту, если он настоящий поэт».

настоящему поэту можно все: игнорировать правила языка, поднимать больные и провокационные темы, писать о них, используя любую лексику.

поэтому грамматически и пунктуационно мы почти не вторгались на территорию текстов, оставив большинство стихов в авторской редакции.

звучит вызывающе и непрофессионально? – возможно.

резкие и непричесанные стихи? – да, чаще всего.

но при этом искренние и настоящие, а потому – живые.

АНДРЕЙ ОРЛОВСКИЙ,
главный редактор проекта «живые поэты»

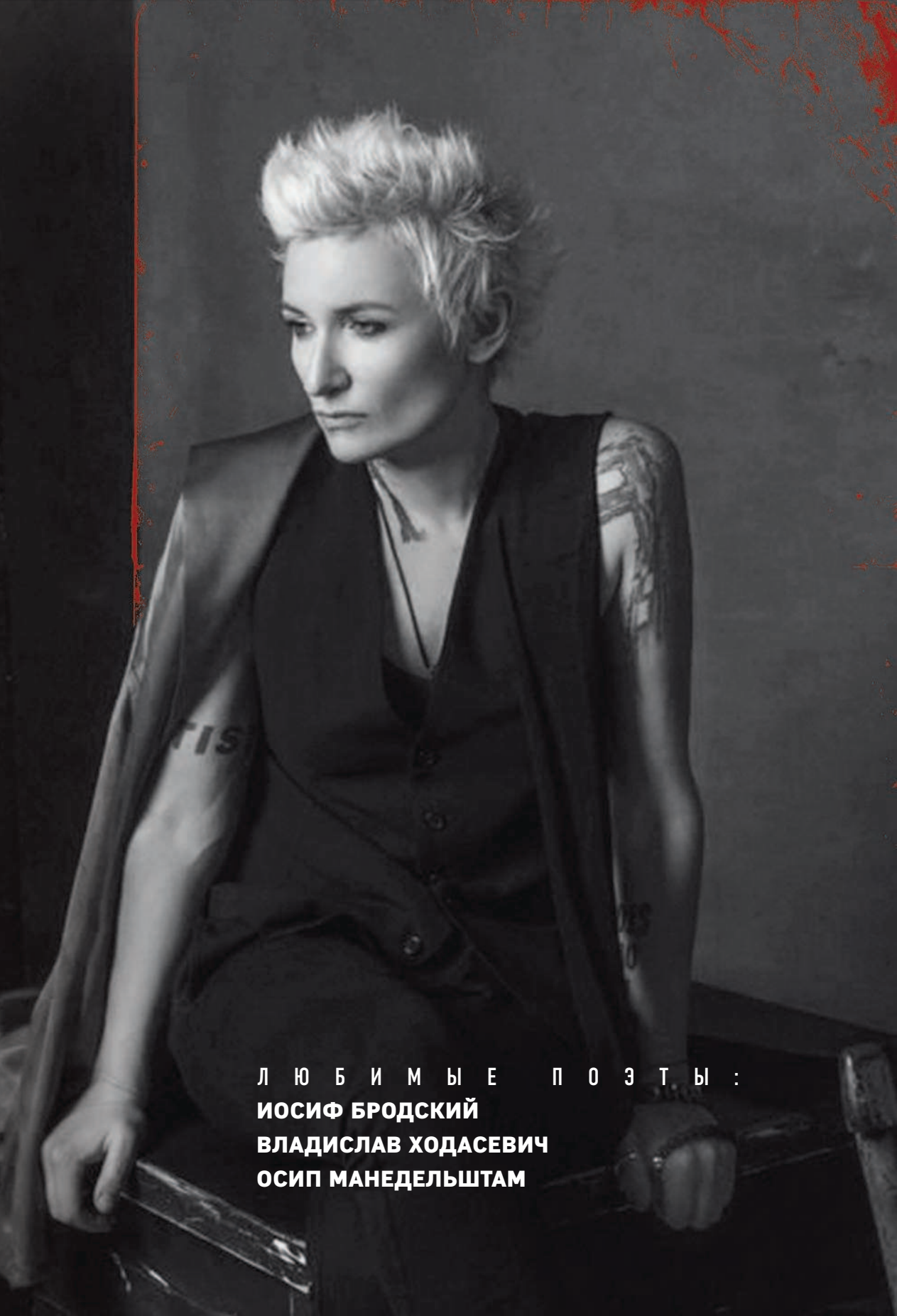

ДИАНА АРБЕНИНА

(ВОЛОЖИН / САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ИНТРО

прячься. времени мало.
прячься пока не поздно.
осень. скользкие взгляды.
в лужи падают звезды.
и на ботинках тает
каша крупой кровавой.
прячься пока не поздно.
прячься. времени мало.
был герой и весь вышел.
был герой и не стало.
постою на обрыве:
жизнь держать перестала.
в смерти вырастут крылья.
рот заалеет румянцем.
был герой и весь вышел.
стал балаганным паяцем.
что начало? что финиш?
что такое измена?
лучше в нос или в скулы?
лучше в пах или в вену?
отчего ты стал мертвым?
ровным? вежливо-гладким?
кто тебя сделал тенью?
кто растворил без остатка?
прячься. времени мало.
прячься пока не поздно.
ветер толкает в спину.
грудь царапают звезды.
и на ботинках тает
каша крупой кровавой.
прячься пока не поздно.
прячься. времени мало.

Л Ю Б И М Ы Е П О Э Т Ы :
ИОСИФ БРОДСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ
ОСИП МАНЕДЕЛЬШТАМ

Л Ю Б И М Ы Е П О Э Т Ы :
ИОСИФ БРОДСКИЙ
КОТ БАСЕ
КСЕНИЯ ЖЕЛУДОВА

АЛЕКСАНДРА ВОРОБЕИ

(КИЕВ)

ДЫШИШЬ
НАОБОРОТ

обнимаешь подушку – она тебе свет и щит.
жалостливый февраль гладит скорбью по волосам.
снег ложится холодными выемками морщин,
словно шкура худого пса.

боль, как тесное платье, отчаянно жмет в груди,
только выбросить жаль: хоть и старое, но твое.
а февраль, предвкушая весну, говорит – иди,
не смотри, что печаль заслоняет дверной проем.

небо плещется над тобой – атлантический серый кит.
упадет – и придавит тяжестью на кровать.
оборвется строка – но не точкой в конце строки,
а желанием оборвать.

утро сворачивается у ног, словно теплый кот,
сквозняками щекочет и мчит, ускользя вниз.

и оказывается, что ты дышишь ровно наоборот:
вдыхая тоску и смерть,
выдыхаешь жизнь.

да, пора вырастать, этот день наконец настал.
нам тесны наши серые комнаты и работы,
нам тесны наши будни, ты можешь сказать мне, кто ты?
я смотрю на тебя и вижу, что ты солгал.

впрочем, все недействительно, нет одного пути.
как ни крути, в этом мире ничто не свято,
я теряю твои черты и координаты.
и поэтому ставлю вечность на карантин.

этот город похож на большой сумасшедший дом,
а реальная жизнь спит у окон моей палаты.
я смотрю тебе в спину, ты можешь сказать, куда ты?
ты говоришь, но я верю тебе с трудом.

*

я учусь тут смирению, логике, тишине,
структурирую быт, упражняюсь в словесной прыти,
чтобы легче дышалось на этом бескрайнем дне,
под карьерною лестницей, вне очереди событий.

забываются люди, теряются адреса,
только пара имен не исчезли в густом тумане.
кто-то машет рукой, жаль, что не угадать лица.
жаль, что я так бездумно меняюсь с людьми местами.

я учусь концентрации, трезвости и борьбе,
но в стеснении прячу холод своих ладоней.
я кладу свою боль и нежность в пустой конверт.
и сжигаю конверт.
пусть их больше никто не тронет.

и развеется пепел, и с пеплом уйдет беда.
будет горькая ночь и черная, как лакрица.
будут новые люди,
новые города,
будет новая жизнь.
ей бы стоило
научиться.

(РОСТОВ-НА-ДОНУ)

**АЛИСА
СТЕПАНЦОВА**

A black and white photograph of a woman with short, light-colored hair, looking slightly to the left. She is wearing a dark leather motorcycle jacket over a light-colored, patterned top. The background is dark and textured, with some bokeh light spots. A vertical red line is visible on the left side of the image.

ЛЮБИМЫЕ ПОЭТЫ:

БОРИС РЫЖИЙ
ИРВИН АЛЛЕН ГИНЗБЕРГ
АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

Л Ю Б И М Ы Е П О Э Т Ы :

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ИОСИФ БРОДСКИЙ

ВИКТОР КАНАЕВ

ныряю в явь как в яблонеый цвет
и принимаю солнечные ванны
балкон июль дешевых сигарет
узоры дыма ветер юно пьяный
уносит в синеву и облака
над кубиками спального района
где локти мну я о края балкона
и не проснулась женщина пока
секунда за секундой мимо мимо
за ветром вверх и верно вышел срок
она лежит спокойно нелюбима
а я курю спокойно одинок

...

и плавно падал пепел это ветер
затих за тех кто вспыхнул и затух
и жизнь была чуть-чуть страшнее смерти
и ветер не хотел об этом вслух

ДМИТРИЙ ВАГИН

(МОСКВА)